

86.37 - ТФ

Т53 Л. Н. Толстой

61к.

НЕ УБЕЙ НИКОГО.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

№ 1157.

**ВОЗВРАТЫ КНИГУ НЕ ПОЗДНЕЕ
обозначенного здесь срока**

SP-1 TOP

Типографія Француза и Колука Москва

Не убей никого.

I.

Въ началѣ іюля 1907 года человѣкъ, участвовавшій въ Петербургѣ въ издаѣтельствѣ „Обновленіе“, былъ посаженъ въ тюрьму Петербургскимъ судебнымъ слѣдователемъ по обвиненію его въ распространеніи написанной мной 7 лѣтъ тому назадъ брошюры подъ заглавіемъ „Не убій“.

Незначительное, при теперешнихъ безпрестанныхъ заточеніяхъ, ссылкахъ, казняхъ, событие это знаменательно по тому поводу, по которому оно совершено.

Теперь, когда вся Россія стонеть отъ ужаса передъ непрестающими и все усиливающимися въ числѣ и по дерзости убійствами, брошюра, подтверждающая древній, признанный за тысячи лѣтъ всѣми религіями законъ, „Не убій“, брошюра эта запрещается, и распространитель ея, какъ преступникъ, сажается въ тюрьму.

Казалось бы, правительство, такъ давно и такъ безуспѣшно борющеющее съ все болѣе и болѣе охватывающей русскихъ людей маніей убійствъ, должно бы поощрять людей, распространяющихъ мысли, противодѣйствующія убійству; но удивительное

дѣло, правительство, напротивъ того, караетъ такихъ людей.

Но, можетъ-быть, брошюра: „Не убій“ только носитъ такое заглавіе, а говорить что-нибудь другое, противное религіи и нравственности.

Я давно писалъ эту брошюру и могъ забыть ея содержаніе. Я внимательно перечелъ ее. Нѣтъ, въ ней говорится то самое, что говорить заглавіе, и только то, что оно говоритъ. Въ брошюре говорится, что кромѣ того, что всякое убійство человѣка человѣкомъ преступно и противно тому религіозному ученію, которое мы исповѣдуемъ,— убійства революціонерами королей, императоровъ, вообще правителей, безсмысленны, такъ какъ строй государственной жизни не можетъ измѣниться вслѣдствіе убійства правителей; мотивы же такихъ убійствъ неосновательны, такъ какъ, убивая правителей за совершаемыя ими дѣла насилия, люди забываютъ, что виноваты въ этомъ они сами своимъ повиновеніемъ правительствамъ и содѣйствіемъ тому, за что они упрекаютъ правителей.

Такъ что въ общемъ смыслѣ брошюры тотъ, что „Не убій“ значитъ только то, что христіанамъ не должно убивать никого, ни непосредственно, ни посредственно, подсобляя убійствамъ.

Но, можетъ-быть, участвовавшій въ издательствѣ „Обновленіе“ судится не за брошюру „Не убій“, написанную по случаю убійства италіанского короля, но и за брошюру того же названія, къ ко-

торой присоединены еще три статьи: „Письмо къ фельдфебелю“, „Солдатская и офицерская памятка“. Я перечель и эти статейки и въ нихъ нашелъ то же, что и въ первой: подтвержденіе заповѣди „Не убій“, и въ особенности разъясненіе того, что приготовленіе къ убійствамъ, содѣйствіе имъ такъ же преступно и такъ же противно закону Христа, какъ и самое убійство.

Такъ что, въ общемъ, смыслъ и этихъ статей тотъ, что люди христіане не должны ни содѣйствовать убійству, ни готовиться къ нему, ни убивать кого бы то ни было.

II.

Удивительный законъ возмездія, неизбѣжно карающій людей, извращающихъ законъ Бога.

Тысяча девятьсотъ лѣтъ тому назадъ Христосъ, провозглашая основныя заповѣди своего ученія, во главу всѣхъ поставилъ уже не старинную заповѣдь „Не убій“ (заповѣдь эту онъ считалъ до такой степени установленной, что онъ не говорилъ о ней), а заповѣдь о томъ, что всякий человѣкъ долженъ избѣгать всего того, что можетъ привести къ убійству: не держать зла на ближняго, прощать всѣхъ, со всѣми мириться, не имѣть враговъ (Мате. V, 21—26).

Но эта заповѣдь не только не была принтая

людьми, но даже древняя заповѣдь, запрещавшая убійство, была отвергнута такъ же, какъ она была отвергнута и законами Моисея, и люди, называв-шіе себя христіанами, продолжали съ полной увѣренностью въ своей правотѣ убивать и на войнѣ, и дома всѣхъ тѣхъ людей, смерть которыхъ представлялась имъ желательной.

Правительство христіанскихъ народовъ съ по-мощью церковниковъ долго обучали управляемые ими народы тому, что законъ „не убій“ не значитъ то, что люди не должны безъ всякихъ исключеній убивать себѣ подобныхъ, но что есть случаи, когда не только можно, но должно убивать людей; и народы вѣрили правительству и содѣйствовали убійствамъ тѣхъ, кого правительство предназначало къ убійству. Когда же пришло время, и вѣра въ непогрѣшимость правительства нарушилась, народы стали по отношенію къ людямъ, со-ставляющимъ правительства, поступать точно такъ же, какъ поступали правительства по отношенію людей, смерть которыхъ представлялась имъ же-лательной, только съ той разницей, что правительства считали, что убивать можно на войнѣ и послѣ извѣстныхъ совѣщаній, которые называются суда-ми; народы же рѣшили, что можно убивать во вре-мя революцій и послѣ совѣщаній извѣстныхъ лю-дей, называющихъ себя революціонными комите-тами и т. п.

И сдѣлалось то, что происходитъ теперь въ

России, т.-е. то, что послѣ 1900 лѣтъ проповѣди христіанства люди уже два года, не переставая, убиваютъ другъ друга: революціонеры своихъ враговъ, правительства своихъ, убиваютъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей,— всѣхъ тѣхъ, смерть которыхъ считаются для себя полезной, и что удивительнѣй всего—это то, что, поступая такъ, они вполнѣ увѣрены, что не нарушаютъ ни нравственнаго, ни религіознаго закона.

Дошло до того, что если бы теперь дать въ Россіи всѣмъ людямъ возможность убивать всѣхъ тѣхъ, кого они считаютъ для себя вредными, то почти всѣ русскіе люди поубивали бы другъ друга: революціонеры всѣхъ правителей и капиталистовъ, правители и капиталисты всѣхъ революціонеровъ, крестьяне—всѣхъ землевладѣльцевъ, землевладѣльцы—всѣхъ крестьянъ и т. д.

И это не шутка, а дѣйствительно такъ. И это ужасное состояніе народа продолжается уже нѣсколько лѣтъ и съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ, днемъ становится все хуже и хуже.

III.

Становится же положеніе все хуже и хуже въ особенности отъ того, что правительство, чувствуя себя обязаннымъ противодѣйствовать этому положенію дѣлъ, старается прекратить его тѣми сред-

ствами, которые оно считаетъ единственно дѣйствительными. Средства же эти и глупыя и жестокія, состоятьъ въ совершеніи тыхъ самыхъ преступленій, противъ которыхъ борется правительство. И, какъ это должно быть, особенно теперь, при теперешнихъ усовершенствованныхъ орудіяхъ убийства: браунингахъ, бомбахъ, пулеметахъ, при которыхъ маленький ребенокъ можетъ убить сотню сильныхъ людей,— глупыя и жестокія средства эти не только не достигаютъ цѣли, но все больше и больше ухудшаютъ положеніе.

Трагизмъ положенія русскаго правительства теперь въ томъ, что, несмотря на то, что оно не можетъ не видѣть, что отъ приложенія тѣхъ глупыхъ и жестокихъ средствъ, которыми оно пользуется, положеніе только ухудшается, оно не можетъ остановиться. Мало того, что не можетъ остановиться, оно не можетъ употребить единственно возможное и дѣйствительное средство борьбы противъ убийства: разъясненіе преступности, грѣха убийства. Не только не можетъ употребить это средство, но должно употреблять свои глупые и жестокіе приемы и противъ тѣхъ людей, которые хотятъ приложить это единственное возможное средство спасенія отъ того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ находятся теперь русскіе люди.

Правительство преслѣдуєтъ мою брошюру „Не убий“ и сажаетъ въ тюрьму ея распространителя. Теперь оно неизбѣжно должно преслѣдовать то,

что я сейчас пишу, должно казнить и меня, и, чтобы быть послѣдовательнымъ, должно бы уже давно запретить не только Евангеліе, но и десять заповѣдей Ветхаго Завѣта и казнить всѣхъ тѣхъ, кто распространяетъ ихъ.

IV.

Да, удивительный законъ возмездія, казнящій навѣрное тѣхъ, кто извращаетъ законъ Бога.

Вся Россія стонетъ отъ ужаса вырвавшихся наружу, ничѣмъ не сдерживаемыхъ звѣрскихъ инстинктовъ, побуждающихъ людей совершать самыя ужасные, безсмысленныя убийства.

И вотъ самые либеральные, отстаивающіе всякия свободы люди, на вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли соблюдать свободу жизни, т.-е. не убивать людей, люди эти не могутъ поступать иначе, какъ молчать, молчаніемъ своимъ признавая необходимость убийствъ, или явно признавая эту необходимость, какъ явно признаютъ эту необходимость революціонеры и правительство. И правительство и революціонеры, и не принадлежащіе ни къ какимъ партіямъ убійцы, подъ самыми разнообразными предлогами продолжаютъ убивать другъ друга.

Положеніе Россіи ужасно. Но ужаснѣе всего не материальное положеніе, не застой промышленно-

сти, не земельное неустройство, не пролетаріатъ, не финансовое разстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революція. Ужаснѣе всего то душевное, умственное разстройство, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ бѣдствій. Ужаснѣе всего то, что большинство русскихъ людей живеть безъ какого бы то ни было нравственаго или религіознаго, обязательнаго для всѣхъ и общаго всѣмъ закона: одни, признавая религіей отжившія, не имѣющія уже никакого разумнаго смысла, ни, главное, обязательнаго для поведенія значенія, стаинныя вѣрованія, руководится въ жизни только своими соображеніями и вкусами; другіе же, признавая не нужность какихъ-либо вѣрованій (религій), точно такъ же руководятся только своими самыми разнообразными соображеніями и желаніями. Такъ что большинство людей, дѣйствующихъ теперь въ Россіи, подъ предлогомъ самыхъ разнорѣчивыхъ соображеній о томъ, въ чемъ заключается благо общества, въ сущности, руководятся только своими эгоистическими, почти животными побужденіями. Самое ужасное при этомъ то, что люди эти, откававшись отъ разумной человѣческой жизни, спустившись почти на ступень животныхъ, вполнѣ довольны собою и увѣрены, что всѣ тѣ глупости и гадости, которыя они говорятъ и дѣлаютъ въ подражаніе западнымъ народамъ (какъ правительственные люди, такъ и революціонеры), несомнѣнно доказываютъ ихъ превосходство надъ мудрыми.

и святыми людьми прошедшаго, и что не только не надо стараться установить какое-либо общее всѣмъ религіозное жизнепониманіе—вѣру,ющую соединить людей, но что отсутствіе всякой вѣры и доказываетъ ихъ умственное и нравственное превосходство.

V.

Люди могутъ жить согласной человѣческой жизнью никакъ не вслѣдствіе какихъ-либо политическихъ вѣрованій, а только вслѣдствіе своего соединенія однимъ и тѣмъ же пониманіемъ основного смысла жизни.

Политическія вѣрованія потому не могутъ соединить людей, что политическихъ вѣрованій можетъ быть безчисленное количество, одни вѣрять въ такой, другіе въ другой парламентаризмъ, или соціализмъ, или анархизмъ. Высшее же пониманіе смысла жизни въ извѣстный исторический періодъ и для извѣстнаго народа можетъ быть только одно. Такъ это и было всегда. Такъ жили соединенные однимъ и тѣмъ же высшимъ закономъ жизни греки, римляне, арабы, индузы. Такъ жили и живутъ китайцы, такъ жили и европейскіе народы, такъ называемые христіане, пока они дѣйствительно вѣрили въ ту, приспособленную Павломъ къ языческимъ нравамъ вѣру, которая называлась христіанскою, католическою религіей.

Намъ ясно теперь все несоответствіе этого религіознаго, запутаннаго, неяснаго и лицемѣрнаго ученія церквей, запрещавшаго чтеніе Евангелія, ставившаго спасеніе вѣрою и исполненіемъ таинствъ на мѣсто евангельского отреченія отъ земныхъ благъ и дѣлъ любви, признававшаго обязательность покорности свѣтской власти вмѣсто евангельского признанія власти одного Бога, — признавшаго чудеса, поклоненіе иконамъ, мощамъ, непогрѣшимость папы и т. п. Намъ ясно несоответствіе этого ученія съ простымъ, яснымъ учениемъ Евангелія. Но люди рождались въ этой ложной вѣрѣ, вѣра эта внушалась имъ съ дѣтства, и какъ ни груба (на нашъ теперешній взглядъ) была эта вѣра, разрѣшившая убийства, казни, войны, поединки, вмѣстѣ съ признаніемъ Бога любви, — *люди искренно вѣрили въ нее, и вѣра эта соединяла ихъ.* Соединеніе это продолжалось вѣками, но пришло время, когда явились люди, начавшіе иначе, по-своему толковать ученіе. Явилось протестантство въ своихъ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и начались вражды и споры между различными исповѣданіями извращенного христіанства. Споры все болѣе и болѣе ослабляли вѣру, и кончилось тѣмъ, что павловское приспособленіе къ язычеству, еще болѣе извращенное церквами, перестало быть религіей въ настоящемъ значеніи этого слова, т.-е. руководящимъ началомъ жизни людей. Нарушилось то единство вѣры, которое до этого времени соединяло ихъ. Люди пе-

рестали вѣрить въ одну и ту же религію; сначала перестали вѣрить въ одну и ту же религію, а по-томъ, вслѣдствіе разныхъ толкованій и споровъ, перестали вѣрить, дѣйствительно вѣрить въ самую мнимохристіанскую религію.

VI.

Много было причинъ уничтожить въ людяхъ вѣру въ христіанскую религію во всѣхъ ея формахъ: въ католичество, въ православіе, въ протестантство. Такими причинами были и религіозные, споры и все большее и большее просвѣщеніе; главной же причиной было то, что какъ церковное католическое, такъ и протестантское христіанство допускало казни и войны.

Людямъ, вводившимъ христіанство въ языческие народы, вслѣдствіе своей принадлежности къ правящимъ классамъ общества, естественно было, принимая и вводя въ христіанство народъ, или скрыть, или не видѣть въ немъ всего того, что было несовмѣстимо со всѣмъ строемъ языческой жизни, выгодами которой они пользовались. Людямъ этимъ для того, чтобы принять христіанство и ввести его въ народъ, неизбѣжно предстояло одно изъ двухъ: или измѣнить строй языческой жизни согласно съ христіанскимъ ученіемъ, или измѣнить христіанское ученіе согласно съ существующимъ

строемъ жизни. Они избрали второе, т.-е., пользуясь толкованиями Павла, такъ извратили учение, чтобы все то, что въ истинномъ христіанствѣ противорѣчило существующему строю, держащемуся на насилии и убийствѣ, было скрыто и перетолковано. Для того же, чтобы перетолковать христіанство такъ, чтобы оно не противорѣчило языческому устройству жизни и разрѣшенню убийства, на которомъ держится весь строй языческой жизни, надо было измѣнить и скрыть самую сущность христіанства. Въ еврѣйствѣ и въ магометанствѣ можно было обойти заповѣдь „Не убий“, не разрушая законъ, такъ какъ въ обѣихъ религіяхъ признавалось дѣленіе людей на вѣрныхъ и невѣрныхъ и по тому можно было признавать заповѣдь „Не убий“ только по отношенію вѣрныхъ. Въ христіанствѣ же, гдѣ по самой сущности учения всѣ люди признавались братьями, гдѣ все учение основывалось на любви, выражавшейся въ прощеніи обидъ, въ любви къ врагамъ, въ христіанствѣ этого нельзя было сдѣлать: допущеніе убийства какихъ бы то ни было людей разрушило главную основу христіанского учения. И потому совмѣстить христіанство съ убийствомъ нельзя было иначе, какъ такими толкованіями, которыя разрушали самую сущность его. Такъ это и было сдѣлано. А когда это было сдѣлано, христіанство, извратившись, перестало быть религіей. И сдѣлалось то, что христіанская церковная вѣра стала или дѣломъ обычая,

или приличія, или выгоды, или поэтическимъ настроениемъ, а настоящей религіи, т.-е. такой вѣры, которая дѣйствительно соединяла бы людей и руководила ихъ поступками между людьми христіанскаго міра, не осталось никакой.

VII.

Казалось бы, что, потерявъ то единственное начало: религію, которое можетъ соединять людей,—люди церковнаго христіанскаго міра должны бы были разъединиться, распасться, перестать жить общей жизнью, но этого не случилось. Не случилось этого потому, что освобожденіе отъ вѣры въ извращенное христіанство совершилось не вдругъ, а совершалось понемногу, и рядомъ съ этимъ освобожденіемъ отъ соединенія вѣрою люди все больше и больше подпадали другому соединенію, основанному уже не на религіи, а на власти, на той власти, которая была основана ложною религіей и поддерживалась ею. Люди, переставая вѣрить въ Бога и Его законъ, все больше и больше, какъ это и видалось имъ, вѣрили во власть правителей и ихъ законъ. И когда вѣра въ ложное христіанство исчезла, вѣра въ правителей, въ ихъ власть и ихъ законъ замѣнила исчезнувшую ложную религію и продолжала держать людей въ искусственномъ соединеніи.

Но соединеніе, основанное не на религіи, а на инерціи власти, не могло продолжаться. Пришло время, когда съ распространеніемъ просвѣщенія люди поняли, что для нихъ нѣть никакой внутренней причины, по которой они должны бы были подчиняться именно этой, а не какой-либо другой власти. И, понявъ это, люди перестали вѣрить въ необходимость повиновенія государственной власти и стали бороться съ ней. Борьба эта началась уже давно, но особенно сильно проявилась она въ концѣ XVIII столѣтія. Борьба эта продолжалась въ прошломъ вѣкѣ, продолжается и теперь въ болѣе или менѣе скрытой формѣ во всемъ такъ называемомъ христіанскомъ мірѣ и съ особенной энергией происходит теперь въ Россіи.

То, что происходит теперь въ Россіи, есть эта самая борьба людей, потерявшихъ внутреннюю религіозную связь между собой, потерявшихъ и вѣру въ необходимость повиновенія власти. Борьба эта состоитъ въ томъ, что люди стараются освободить себя отъ власти насильнической тѣми же самыми грубыми и жестокими средствами, которыя употребляла и употребляетъ власть для удержанія ихъ въ повиновеніи себѣ.

Если въ Россіи эта борьба проявляется безобразнѣе и жесточе, чѣмъ она проявлялась въ другихъ государствахъ, то это происходитъ только отъ того, что въ Россіи проявленіе этой борьбы позднѣйшее.

VIII.

Во многихъ отношеніяхъ положеніе русскаго народа подобно тому, въ какомъ были европейскіе народы сто лѣтъ назадъ, но во многомъ положеніе это и совсѣмъ иное. Подобно оно тѣмъ, что русскій народъ теперь такъ же, какъ и тогда европейскіе народы, въ своемъ огромномъ большинствѣ понялъ, что та вѣра, которой его обучали, въ троицу, рай и адъ, таинства, иконы, мощи, посты, молитвы, вѣра въ святость и величіе царя и обязанность повиновенія властямъ, вѣра, совмѣстимая съ убійствами и всякаго рода насилиями, не есть вѣра, а только подобіе ея, и въ послѣднее время съ необыкновенной быстротой и легкостью освобождается, какъ отъ ложной религіозной вѣры, такъ и еще болѣе безосновной вѣры въ благодѣтельность, необходимость царской и вообще правительственной власти.

Въ этомъ стремленіи къ освобожденію себя отъ вѣры въ извращенное христіанство и въ необходимость и священность власти, положеніе русскихъ людей совершенно подобно положенію европейскихъ людей въ началѣ прошлаго столѣтія. Разница же въ томъ, что революція, совершающаяся теперь въ Россіи,— позднѣйшая, и что поэтому русскіе люди могутъ видѣть теперь то, чѣго

не могли видѣть европейскіе народы, именно то, къ чему привела народы ихъ борьба съ своими правительствами. Русскіе люди не могутъ не видѣть того, что вся эта борьба не только не уничтожила, но даже не уменьшила того зла, съ которымъ они боролись. Не могутъ не видѣть русскіе люди того, что всѣ потраченныя во время революціи усилія, вся пролитая кровь, не уничтожила бѣдность и зависимость трудящихся отъ богатыхъ и властующихъ, не прекратились тѣ траты народныхъ силъ на захваты чужихъ владѣній, на войны, не освободили народъ отъ власти немногихъ. Не могутъ не видѣть русскіе люди ту тщету борьбы насилия противъ насилия, на которую столько силъ напрасно потратили европейскіе народы. Въ этомъ одна причина различія теперешняго положенія русскихъ людей отъ положенія людей западнаго міра сто лѣтъ тому назадъ.

Другая же, и самая важная причина, въ томъ, что, кромѣ той офиціальной, мнимохристіанской религіи, одинаково привитой, какъ всѣмъ западнымъ, такъ и русскому народу, въ русскомъ народѣ съ самыхъ древнихъ временъ, рядомъ съ этой офиціальной, всегда жила другая не офиціальная, жизненная христіанская вѣра, какимъ-то страннымъ пугемъ, черезъ святыя жизни старцевъ, черезъ юродивыхъ, странниковъ, проникшая въ народъ, и въ пословицахъ, въ разсказахъ, легендахъ, утвердившаяся въ немъ и руководившая имъ. Сущность

этой вѣры въ томъ, что человѣку жить надо по-Божьи, для души, что люди всѣ братья, что то, что велико передъ людьми, то мерзость передъ Богомъ, что спастись можетъ человѣкъ не исполненiemъ обрядовъ и молитвами, а только дѣлами милосердія и любви. Вѣра эта всегда жила въ народѣ и была его истинной вѣрой, руководящей его жизнью рядомъ съ той ложной церковной вѣрой, которая виѣшнимъ образомъ была привита ему. Вѣра эта лѣтъ 70 тому назадъ еще была сильна въ народѣ, но за послѣднія 50 лѣтъ, особенно вслѣдствіе упадка нравственности духовенства, и въ особенности монашества, стала все больше и больше ослабѣвать во всемъ народѣ и стала выдѣляться въ секты, такъ называемыѣ: молоканъ, штиундистовъ, хлыстовъ, субботниковъ, Божихъ людей, малеванцевъ, еговистовъ, духоборовъ и многихъ другихъ. Общія черты большинства этихъ сектъ, кроме общаго всѣмъ рѣшительного отрицанія православія, были все большее и большее внесеніе въ поведеніе нравственныхъ христіанскихъ правилъ и непризнаніе требованій государственной власти и, главное, непризнаніе законности и необходимости убийства человѣка человѣкомъ. Вѣра эта въ послѣднее время, какъ въ отпоръ революціонному озлобленію, захватившему часть русскихъ людей, все болѣе и болѣе уясняется и очищается; людей самыхъ различныхъ общественныхъ положений и образованій, исповѣдующихъ эту вѣру, становится

людьми вѣрѣ, можетъ быть временнымъ переходнымъ состояніемъ,— но не можетъ быть жизнью разумныхъ существъ. Животныя могутъ быть соединены насилиемъ, но люди могутъ соединяться только однимъ общимъ для всѣхъ пониманіемъ жизни. Общее же для всѣхъ людей нашего міра пониманіе жизни есть только одно. И я думаю, что пониманіе это есть то, которое выражено въ томъ христіанствѣ, при которомъ, какъ бы мы ни понимали его, не можетъ быть допущена полезность, необходимость, законность убийства.

Вѣдь стоитъ только людямъ, думающимъ, что они вѣрятъ въ христіанство, выбросить изъ него всѣ тѣ безсмыслицы о троицахъ и происхожденіи святаго духа, обѣ искупленіи вѣрой, раѣ, адѣ и т. п., даже всѣ чувствительныя слова о любви въ столь любимой XVIII главѣ Коринѳянамъ, а людямъ, невѣрующимъ въ христіанство, а вѣрующимъ въ науку, выбросить изъ нея многословныя и сложныя разсужденія о правѣ, государствѣ, представительствѣ, прогрессѣ, будущемъ соціализмѣ, а вмѣсто всего этого признать только одну простую и ясную и высказанную за тысячи лѣтъ истину, составляющую первое, необходимое отрицательное условіе всякой нравственности—истину, признаваемую сердцемъ и умомъ, и всѣмъ существомъ всякаго неиспорченаго человѣка, истину о томъ, что человѣкъ не долженъ убивать человѣка, и тотчасъ

же измѣнился бы весь существующій ужасный звѣрскій строй нашей жизни, и сложилась бы жизнь, согласная съ сознаніемъ людей нашего времени, сдѣлалось бы то самое, чего стремятся достигнуть теперь лучшіе люди нашего времени.

Человѣчество медленно, съ остановками, отступленіями, возвращеніями назадъ, поднимается все выше и выше, переходя со ступени на ступень при своемъ движениі къ совершенству и благу. Долго стояла человѣчество передъ той ступенью, которая поднимала его къ возможности согласной жизни людей безъ необходимости убийства; но оно въ наше время, хотѣть или не хотѣть этого, необходимо должно наступить на нее. Если не разумъ, не стремленіе къ добру, то самая бѣдственность положенія, все увеличивающаяся и увеличивающаяся, заставитъ людей сдѣлать это, т.-е. начать устраивать свою жизнь не на началахъ ненависти и угрозы, а на началахъ разума и любви.

„Царство Божіе на землѣ—это конечная цѣль и желаніе человѣчества. (Да приидетъ Царство Твое). Христосъ приблизилъ къ намъ это царство, но люди не поняли его и воздвигли въ насъ царство поповъ, а не царство Бога“, говорилъ Кантъ.

„И тогда только“, говорилъ онъ, — „можно будетъ съ полнымъ основаніемъ сказать, что пришло къ намъ это Царство Божіе, когда укоренится

въ людяхъ сознаніе необходимости постепенного перехода церковной вѣры во всеобщую разумную религію“.

И я думаю, не только думаю, но увѣренъ, что время это пришло.

Люди устроили себѣ жизнь, всю держащуюся на противномъ и разуму и сердцу человѣка дѣяніи,—убийствѣ, и вмѣстѣ съ этимъ, цѣлымъ длиннымъ, вѣками, выработавшимся, хитрымъ обманомъ вполнѣ увѣрили себя, что они или исповѣдуютъ такой законъ Христа, или знаютъ такую науку, при которыхъ несомнѣнно доказывается то, что убийство человѣка человѣкомъ согласно и съ разумомъ и съ сердцемъ человѣка. И когда имъ говорять о томъ, что жизнь ихъ звѣрская, и что ихъ христіанство и ихъ наука есть насмѣшка и надругательство надъ религіей и наукой, что имъ надо перестать быть убийцами, если они хотятъ быть христіанами и просвѣщенными людьми, они только улыбаются и пожимаютъ плечами. Такъ неисполнимо кажется имъ перестать дѣлать то, что было запрещено самыми первобытными религіозными законами самыхъ древнихъ людей,—то, что заложено и въ сознаніи и въ сердцѣ всякаго неиспорченного человѣка, и то, что никакими, самыми хитроумными разсужденіями не можетъ быть соединено съ христіанскимъ ученіемъ, которое они

будто бы исповѣдуютъ, ни съ просвѣщеніемъ, ко-
торымъ они такъ гордятся.

Какой долженъ быть ужасный умственный упа-
докъ людей нашего міра, когда они могутъ вѣрить
тому, что жизнь ихъ станетъ хуже, если они пе-
рестанутъ казнить, мучать, убивать, вѣшать другъ
друга.

И какъ велико должно быть извращеніе нрав-
ствено - религіознаго чувства людей, когда имъ
нужно доказывать, что „не убй“ не значить то,
что можно убивать людей другихъ народовъ и во-
обще тѣхъ, убийство которыхъ мы признали для
себя полезнымъ; а что слова эти, нами же при-
писываемыя Богу, значать то, что *не должно и по-*
тому нельзя убивать никого.

Да, ужасно нравственное и умственное паденіе
такихъ людей, когда они еще при этомъ считаютъ
себя стоящими на высшей ступени духовнаго раз-
витія. А таковы, страшно сказать, всѣ, за малыми
исключеніями, люди нашего цивилизованнаго раз-
вращеннаго міра.

Одно утѣшеніе въ этомъ -- то, что этотъ ужас-
ный упадокъ есть признакъ послѣдней степени раз-
вращенія, при которой должно наступить пробуж-
деніе. И я вѣрю, что теперешняя русская револю-
ція приведетъ насъ къ этому.

Да, разумѣется, неисполнимо ученіе Христа для
тѣхъ людей, которые живутъ завѣдываніемъ и рас-

Происходить это отъ того, что прежде чѣмъ устанавливать такой или иной строй жизни, прежде чѣмъ усовершенствовать средства пользованія силами природы,—прежде всего людямъ надо установить то открытое имъ за тысячу лѣтъ религіозно нравственное ученіе о томъ, что въ каждомъ тѣлѣ человѣка живеть одно и то же божественное начало, и поэтому ни одинъ человѣкъ, ни собраніе людей не можетъ имѣть права нарушить это установленное соединеніе божественного начала съ человѣческимъ тѣломъ, т.-е. лишить человѣка жизни.

И признаніе, и установленіе такого религіозно-нравственного ученія не только возможно, но жизнь становится невозможной безъ признанія и установленія этого религіозно-нравственного ученія, которое есть не что иное, какъ всѣмъ намъ близкое и известное ученіе Христа въ его истинномъ значеніи.

Я вѣрю, что наша нелѣпая и ужасная революція приведетъ большинство русскаго народа къ признанію, установленію и введенію въ жизнь этого религіозно-нравственного начала христіанскаго ученія.

XI.

Да, все это будетъ, когда наступить Царство Божіе, но что же дѣлать, пока его нѣть?

Дѣлать то, что нужно для того, чтобы наступило Царство Божіе.

Что дѣлать голодному человѣку, когда у него нѣть пищи? Работать для того, чтобы пріобрѣсти пищу. Какъ пища не приходить сама собою, такъ Царство Божіе, т.-е. добрая жизнь людей. Надо ее дѣлать. А чтобы дѣлать ее, надо перестать дѣлать самое ужасное зло, которое болѣе всего утверждаетъ дурную жизнь людей: убійство.

И для того, чтобы перестать дѣлать это дѣло, нужно очень немногое. Сознаніе несвойственности человѣческой природѣ убійства себѣ подобныхъ уже достаточно укоренилось въ огромномъ большинствѣ христіанского міра. Нужно только одно: понять, признать и проводить въ жизнь мысль о томъ, что мы не призваны устраивать жизнь другихъ людей насилиемъ, неизбѣжно влекущимъ за собою убійство, и что всякое убійство, которое мы совершаємъ, въ которомъ участвуемъ, на которомъ строимъ выгоды своей жизни, не можетъ быть полезно ни другимъ, ни намъ, а напротивъ, только увеличиваетъ то зло, которое мы хотимъ испра-

вить.. Только бы познали это люди и воздержались отъ всякаго вмѣшательства въ жизнь другихъ людей, только бы перестали люди искать улучшенія своего положенія въ внѣшнемъ, насильственномъ устройствѣ, которое невозможно безъ убійства, а искали бы его каждый для себя въ [приближеніи] того идеала совершенства, который такъ опредѣленно поставленъ передъ каждымъ человѣкомъ христіанскимъ ученіемъ и который никакъ уже не совмѣстимъ съ убійствомъ, и сама собою сложилась бы та жизнь, которую такъ тщетно стараются люди осуществить внѣшними, все больще и больше ухудшающими жизнь людей средствами.

Есть только одно средство избавленія людей отъ тѣхъ бѣдствій, которыя они несутъ и которыя все увеличиваются.

Средство это—признаніе и введеніе въ жизнь того открывающаго новую эру человѣчества истиннаго христіанскаго ученія, того истиннаго христіанскаго ученія, которое безъ признанія основного положенія его непротивленія злу зломъ есть только лицемѣріе, никого ни къ чему не обязывающее, ученіе не только не измѣняющее той звѣрской животной жизни, которой живутъ теперь люди, но еще поддерживающее ее.

„А, опять старая пѣсня непротивленія!“—слышу я самоувѣренные презрительные голоса.

Но что же дѣлать человѣку, который видитъ, что толпа, давя, губя другъ друга, валить и напираетъ на неразрушимую дверь, надѣясь отворить ее наружу, когда онъ знаетъ, что дверь отворяется только внутрь.

5—18 августа 1907 г.

08 Г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ВЪ ИЗДАНИИ „ПОСРЕДНИКА“.

Серія произведений, раніше запрещавшихся.

Великий грехъ. (О земельномъ вопросѣ); Ц. 25 к.

Въ чёмъ главное дѣло для человѣка. Ц. 5 к.

Единственное средство. Ц. 15 к.

Земля всего народа. Ц. 10 к.

Истинная свобода. (Какъ освободиться рабочему народу.) Ц. 6 к.

Конецъ вѣка. Ц. 40 к.

Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 80 к.

Какъ уничтожить войну. (Докладъ, приготовленный для конгресса). Ц. 12 к.

Не могу молчать! Ц. 15 к.

Не убей никого. Ц. 20 к.

Объ измѣненіи существующаго строя. Ц. 6 к.

О земельной собственности. Ц. 5 к.

О войнѣ. Ц. 5 к.

О насилии. (О непротивлении злу зломъ). Ц. 12 к.

Освобожденіе земли. Ц. 5 к.

Отвѣтъ Синоду. Ц. 5 к.

О значеніи русской революціи. Ц. 40 к.

Рабство нашего времени. Ц. 50 к.

Христіанстве и смертная казнь. Ц. 12 к.

Всѣ изданія „Посредника“ продаются: 1) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“: Москва, Петровскія линіи, 2) въ отдѣленіи склада „Посредникъ“; Петроградъ, Невскій, 84, кв. 89, и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать изъ главнаго склада издательства „Посредникъ“: Москва, Арбатъ, 36. И. И. Горбунову.

Цѣна **20** коп.

